

A young man with dark, messy hair and light-colored eyes is looking out of a window. He is wearing a thick, orange quilted winter jacket with a fur-lined hood and a grey scarf. He is holding a white disposable coffee cup with a lid. The background is blurred, suggesting an indoor setting like a train or bus.

Антон Маршал

Общага

Антон Маршал

Общага

<https://litres.ru/74017336>

SelfPub; 2026

Аннотация

У студента-юриста Альберта Колесникова обычные проблемы: засохший Доширак, долг соседу за такси, бесячий храп Коляна и доцент Завьялов с его римским правом. Но в один «прекрасный» октябрьский четверг рутина рушится. В переполненном вагоне московского метро лицо незнакомой женщины плавится, как воск, а в голове звучит ледяной шёпот: «Я жду тебя».

Антон Маршал

Общага

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОБЩАГА

Москва, октябрь. Студенческое общежитие Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, одиннадцатый этаж, комната 1104.

Будильник заорал в шесть сорок пять — как раз тогда, когда Альберту снилась шаурма. Не просто шаурма, а та самая, из ларька на «Юго-Западной», где повар Мурад кладёт в два раза больше соуса, чем положено по санитарным нормам. Во сне Альберт уже подносил этот истекающий чесночным майонезом цилиндр ко рту, но тут динамик айфона взорвался мерзкой трелью «Рассвет», и шаурма растворилась вместе с Мурадом и всей «Юго-Западной».

— Бля-я-ять, — протянул Альберт, не открывая глаз.

Он шлёпнул ладонью по тумбочке, целясь в телефон, но попал в кружку с недопитым чаем. Кружка покачнулась, однако устояла — спасибо липкому слою сахара на дне, который приклеил её к поверхности. Альберт нащупал телефон, ткнул в кнопку «отложить» и перевернулся на спину.

Потолок комнаты 1104 был украшен жёлтым пятном неизвестного происхождения. Пятно появилось ещё до того, как Альберт заселился сюда полтора года назад, и с тех пор слегка увеличилось в размерах, что давало повод для шуток

Колян, его соседу.

— Оно растёт, Альбертик, — говорил Колян с интонацией ведущего передачи про паранормальное. — Когда оно до­растёт до твоей кровати, ты проснёшься в другом измерении.

Колян спал на соседней кровати — храпел, уткнувшись лицом в подушку. Одеяло сползло на пол, обнажив тощие волосатые ноги в семейных трусах с Микки-Маусами. Альберт сел, спустил ноги на холодный линолеум и почесал затылок.

Общежитие жило своей утренней жизнью. За стеной справа орал телевизор — кто-то смотрел «Россию 24», за стеной слева лилась вода в душевой. В коридоре хлопнула дверь, послышался топот и чей-то крик: «Где мой полотенчик, сука?!»

Альберт встал и подошёл к окну. Окно выходило на улицу Лобачевского: серые многоэтажки, рекламный щит с логотипом Сбера, стоянка с помятыми «Киа» и «Хёндаями». Октябрьское небо было ровного мышино­го цвета — ни единого намёка на солнце. Альберт смотрел на этот пейзаж каждое утро и испытывал к нему чувство, среднее между привычкой и отвращением.

На подоконнике стоял чайник — старый, с накипью внутри, купленный за триста рублей в «Ашане». Альберт щёлкнул кнопкой. Чайник загудел, набирая обороты, и в этом гуде было что-то успокаивающее.

— Колян, вставай, — сказал Альберт, не оборачиваясь.

Колян издал нечленораздельный звук и перевернулся на другой бок.

— Колян! Семинар по римскому праву через полтора часа. Завьялов же убьёт.

Имя доцента Завьялова подействовало как укол адреналина. Колян сел на кровати, щурясь и моргая:

— Какой, нахер, семинар? У нас же вторая пара.

— Первая — лекция по конституционному. Вторая — римское. Сегодня четверг.

— Четверг?.. — Колян потёр лицо ладонями. — Вчера была среда?

— Вчера была среда, — подтвердил Альберт. — И ты обещал, что подготовишься к римскому, потому что прошлый раз Завьялов сказал, что выгонит тебя с экзамена.

— Я помню, что я обещал. Я не помню, сделал ли я это.

— Ты не сделал.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что вчера вечером ты играл в «Доту» до двух ночи, а потом смотрел порно.

Колян нахмурился, пытаясь восстановить хронологию вчерашнего вечера. Потом махнул рукой — мол, что было, то было.

Чайник закипел. Альберт заварил себе «Гринфилд» с жасмином, плеснул Коляну кипятка в его кружку с надписью «Лучшему юристу» (подарок мамы на первое сентября) и сел за стол.

Стол был один на двоих — длинный, заваленный учебниками, распечатками лекций и обёртками от «Доширака». Альберт отодвинул в сторону «Гражданское право. Особенная часть» и раскрыл конспект по римскому. Буквы запрыгали перед глазами.

«Сервитут — это право пользования чужой вещью в установленных пределах. Различают сервитуты предельные и личные...»

Альберт попытался сосредоточиться, но в голову лезла всякая ерунда. Например, мысль о том, что до стипендии ещё две недели, а на карте осталось три тысячи двести рублей. Из них тысяча — за интернет, пятьсот — Колян за прошлую пятницу (брал в долг на такси), и ещё надо купить нормальной еды, потому что «Доширак» и гречка уже стоят поперёк горла.

— Слышь, Альбертик, — подал голос Колян. Он уже успел натянуть джинсы и теперь ковырялся в шкафу в поисках чистой футболки. — А ты заметил, что на вахте тётя Рая теперь не одна сидит?

— В смысле?

— Ну, там мужик какой-то появился. Сидит в углу, ни с кем не разговаривает. Здоровый такой, в чёрном пальто, хотя в коридоре плюс двадцать.

— Охранник, наверное, новый.

— Не похож он на охранника. У него глаза... — Колян замялся. — Не знаю. Странные глаза. Как будто он в душе

у тебя ковыряется.

— Тебе просто с бодуна кажется, — отмахнулся Альберт.

Он допил чай, сунул в рот мятную жвачку (зубы чистить было лень, да и паста кончилась) и натянул толстовку с капюшоном — чёрную, с надписью «Moscow» на груди. Единственная более-менее приличная вещь в его гардеробе, не считая рубашки для выступлений на конференциях.

В коридоре пахло, как всегда в это время: смесью сигаретного дыма, дешёвого дезодоранта и подгоревшей овсянки. Кто-то из третьекурсников жарил что-то на общей кухне, нарушая правила пожарной безопасности. Альберт прошёл мимо, кивнул парню с гитарой (тот репетировал «Цоя» уже третий месяц без видимого прогресса) и спустился по лестнице на первый этаж.

На вахте действительно сидела тётя Рая — крупная женщина лет пятидесяти с вечным вязанием в руках — и действительно в углу, на стуле у стены, кто-то был. Альберт скользнул взглядом: мужчина в чёрном пальто, лицо в тени. Глаза... Альберт не разглядел глаз, но почувствовал вдруг холодок в груди — такой, будто проглотил кусок льда. Мужчина сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, и, кажется, даже не моргал.

«Колян прав, — подумал Альберт. — Станный тип».

Он вышел на улицу. В лицо ударил ветер — колючий, октябрьский, пахнувший выхлопными газами и приближающейся зимой. Стоянка перед общагой была залита лужами

вчерашнего дождя. Альберт обошёл лужу, перепрыгнул через бордюры и направился к метро.

До «Юго-Западной» было минут семь пешком. Обычный маршрут: мимо «Пятёрочки», мимо ларька с шаурмой (реальная шаурма пахла так же прекрасно, как во сне, но денег не было даже на самую дешёвую), мимо автобусной остановки, где вечно толпились люди с серыми от недосыпа лицами.

Альберт шёл и думал о Завьялове. Доцент Завьялов был из тех преподавателей, которые искренне считают, что римское право — основа всего сущего, а студенты — быдло, которое не способно понять величие Ульпиана и Гая. Он любил задавать каверзные вопросы, гонять по деталям и смотреть, как студент краснеет и потеет, не в силах вспомнить, чем манципация отличается от традиции.

Альберт знал, чем отличается манципация от традиции. Знал даже, что такое цессия и виндикационный иск. Но всё равно каждый семинар у Завьялова вызывал у него нервную дрожь.

Метро встретило привычной толкотнёй. Альберт приложил карту к турникету, прошёл, спустился на эскалаторе. На платформе было людно. Он втиснулся в вагон, ухватился за поручень и закрыл глаза, пытаясь ещё раз прокрутить в голове сервитуты.

«Сервитут — это право пользования чужой вещью...»

Поезд тряхнуло. Альберт открыл глаза — и вздрогнул.

Напротив него сидела женщина. Самая обычная женщи-

на лет сорока, в бежевом пальто, с сумкой на коленях. Но её лицо... Оно текло. Буквально текло, как воск на горячей свече: кожа сползала вниз, обнажая что-то тёмное, пульсирующее под ней. Глаза женщины на секунду стали чёрными — без зрачков, без белков, сплошная чернота, — а потом вернулись в нормальное состояние.

Альберт моргнул. Лицо женщины было обычным: нос, губы, усталые глаза под слоем тонального крема. Она читала что-то в телефоне, не обращая на Альберта ни малейшего внимания.

— Показалось, — прошептал Альберт.

Поезд затормозил. Объявили «Парк Культуры». Женщина в бежевом пальто встала и вышла, по-прежнему не глядя на Альберта. Двери закрылись. Поезд тронулся.

И тут Альберт услышал голос.

Он прозвучал не в ушах — где-то глубже, прямо в центре головы, как будто кто-то включил динамик у него в мозгу. Голос был тихим, шелестящим, как осенние листья на ветру: *«Я жду тебя».*

Альберт резко обернулся. Никто не смотрел на него. Люди в вагоне занимались своими делами: читали, слушали музыку, дремали. Никому не было до него никакого дела.

— Что за херня? — сказал он вслух.

Девушка рядом покосилась на него и отодвинулась.

Поезд нёсся в тоннеле. Альберт смотрел в чёрное стекло напротив и видел там своё отражение: обычный парень, два-

дцать лет, русые волосы, толстовка с надписью «Moscow», испуганные глаза.

«Переутомился, — сказал он себе. — Просто переутомился. Меньше надо сидеть в телефоне перед сном».

Он вышел на «Библиотеке имени Ленина» и направился к выходу в город. Первая пара — конституционное право — пролетела мимо него. Альберт сидел на галёрке, смотрел в окно на Кремль и думал о женщине в метро. О её текущем лице. О чёрных глазах.

О голосе.

«Я жду тебя».

Кто? Где? Зачем?

Вторая пара — римское право — началась ровно в десять сорок пять. Доцент Завьялов, сухой как палка мужчина в очках с золотой оправой, вошёл в аудиторию с журналом под мышкой. Студенты затихли.

— Итак, — сказал он, раскрывая журнал, — тема сегодняшнего семинара: сервитуты в римском праве. Кто готов отвечать?

Рука Альберта дёрнулась было вверх — но он её опустил. Ему было не до сервитутов. Перед глазами стояло лицо, сползающее вниз, и звучал тихий шёпот:

«Я жду тебя».

ГЛАВА ВТОРАЯ. БАР «ЮРИСТ»

Москва, пятница, вечер того же дня.

Бар «Юрист» располагался в подвале на Большой Дмитровке — в пятнадцати минутах ходьбы от юридического института. Вывески у него не было: только облупленная дверь с нарисованным мелом молотком судьи и надписью «LEX» кривыми печатными буквами. Внутри пахло пивом, старым деревом и чем-то кисловатым — не то уксусом, не то прокисшим вином. Но цены были студенческие, пиво не разбавляли, а бармен Паша включал «Кино» и «Сектор Газа» по первому требованию, поэтому заведение пользовалось популярностью у юрфаковской братии.

Альберт сидел за угловым столом — тем самым, который они с друзьями оккупировали каждую пятницу вот уже второй семестр подряд. Стол был липким, исцарапанным инициалами предыдущих поколений студентов-юристов. Кто-то вырезал «Здесь был Петров, ст. 105 УК РФ», и Альберт каждый раз улыбался, читая эту надпись.

— Ну и как тебе Завьялов сегодня? — спросил Димон, отхлёбывая из кружки тёмное нефилтрованное.

Димон — он же Дмитрий Соколов, здоровенный детина из Рязани, игравший за сборную института по регби и каким-то чудом поступивший на бюджет, — сидел напротив и улыбался. У него была та особая улыбка человека, который знает: семинар прошёл мимо него, и это не его проблема.

— Никак, — буркнул Альберт. — Я не отвечал. Пронесло.

— А меня спросили, — вставил Лёха, щуплый очкарик с вечно всклокоченными волосами. Лёха был круглым отлич-

ником и, кажется, единственным человеком на курсе, который действительно читал Дигесты Юстиниана в оригинале. Вернее, пытался читать — с латынью у него было не очень. — Завьялов спросил про эмфитевзис. Я ответил.

— И что он сказал? — поинтересовался Альберт.

— Сказал: «Удовлетворительно, но без блеска». А потом добавил, что я путаю эмфитевзис с суперфицием.

— А ты путаешь?

— Конечно путаю. Кому вообще нужны эти эмфитевзисы в двадцать первом веке?

— Нотариусам, — сказала Света. — И риелторам.

Света была единственной девушкой в их компании. Она училась на четвёртом курсе, специализировалась на гражданском праве и обладала способностью пить водку, не пьянея, — по крайней мере, внешне. Ходили слухи, что у неё есть какой-то тайный жених из числа аспирантов, но сама Света эти слухи не подтверждала и не опровергала.

— Ну вот, — Лёха развёл руками. — А я не нотариус и не риелтор. Я будущий учёный-цивилист. Мне нужны высокие материи.

— Высокие материи после третьей кружки пива не обсуждают, — резюмировал Димон и махнул Паше, чтобы тот принёс ещё.

Паша — бармен с лицом человека, который видел всё и даже больше, — принёс четыре кружки и тарелку с солёными крендельками. Крендельки были бесплатными, и это был

единственный вид закуски, который подавали в «Юристе».

— За нас, — сказал Димон, поднимая кружку.

— За нас, — эхом отозвались остальные.

Пиво было холодным, с приятной горчинкой. Альберт сделал большой глоток и почувствовал, как напряжение дня — странного, тревожного дня — понемногу отступает. Он никому не рассказал о случае в метро. Не потому что боялся, что его поднимут на смех, — просто не знал, как облечь это в слова. «У женщины лицо потекло» — звучало как бред сумасшедшего. «Я слышал голос в голове» — ещё хуже.

— Альбертик, ты чего грустный? — Света ткнула его локтем в бок. — Опять о своей Веронике думаешь?

Вероника была девушкой Альберта — бывшей девушкой, если быть точным. Они расстались месяц назад, и Альберт, по его собственному мнению, уже пережил это, но друзья считали иначе.

— Ни о ком я не думаю, — сказал он. — Просто устал. Неделя тяжёлая.

— У всех неделя тяжёлая, — философски заметил Лёха. — Мы же юристы. У нас вся жизнь будет тяжёлая.

— Да ладно тебе, — Димон хлопнул ладонью по столу так, что кружки подпрыгнули. — Жизнь прекрасна! Мы молоды, у нас есть пиво, у нас есть крендельки. Что ещё нужно для счастья?

— Стипендия, — мрачно сказал Альберт. — У меня на карте три тысячи двести рублей. Из них тысяча — за интер-

нет.

— О, напомнил! — Димон полез в карман джинсов и вытащил смятую купюру в пятьсот рублей. — Колян просил передать. Говорит, извини, что задержал, стипуха только в понедельник пришла.

— А почему он сам не пришёл?

— Сказал, что у него дела. Какие-то семейные обстоятельства. По-моему, он просто нажрался вчера и сегодня не в форме.

Альберт сунул купюру в карман толстовки. Пятьсот рублей — это пятьсот рублей. Уже легче.

Они просидели в баре до полуночи. Разговор тек по привычному руслу: обсуждали преподавателей (Завьялов — тиранин, но справедливый; Королёва с кафедры конституционного — дура, но красивая; Жаров с уголовного — мужик что надо, хоть и зануда), сплетничали об однокурсниках (Машка с третьего потока беременна, но непонятно от кого; Сашка-Грек отчислился и ушёл в армию; у Ленки из общаги роман с преподавателем физкультуры), строили планы на будущее (Димон хотел стать адвокатом по уголовным делам, Лёха — писать диссертацию, Света — работать в крупной юридической фирме, Альберт не хотел ничего конкретного).

К концу вечера Альберт выпил пять кружек пива — не так много по его меркам, но достаточно, чтобы мир стал слегка расплывчатым и уютным. Голос в голове молчал. Лица людей не текли. Всё было хорошо.

Они расплатились (счёт поделили поровну, и Альберт отдал свои последние шестьсот рублей, но не жалел), вышли на улицу и разошлись в разные стороны: Димон поехал на метро к себе в Чертаново, Лёха поймал такси (у него водились деньги — подрабатывал репетитором по обществузнанию у богатых школьников), а Света и Альберт пошли пешком в сторону общаги — им было по пути.

Москва ночью выглядела иначе, чем днём. Исчезала деловая суэта, появлялась какая-то мрачная, но притягательная красота: огни витрин, отражающиеся в мокром асфальте; редкие прохожие, спешащие домой; жёлтые окна жилых домов, за каждым из которых — чужая, незнакомая жизнь.

— Слушай, Альберт, — сказала Света, когда они проходили мимо Патриарших прудов. — Ты какой-то сам не свой в последнее время. Что-то случилось?

Альберт пожал плечами.

— Ничего. Устал просто.

— Это не просто усталость, — Света остановилась и взглянула ему в лицо. При свете фонаря её глаза казались очень серьёзными. — Я же вижу. Ты вчера на лекции смотрел в одну точку и даже не записывал. Ты никогда не записываешь, но ты хотя бы делаешь вид. А вчера ты просто отсутствовал.

— Задумался.

— О чём?

Альберт помолчал. Ему вдруг захотелось рассказать —

всё, как есть: про женщину в метро, про голос, про холодок в груди при взгляде на странного мужика в чёрном пальто. Но он не знал, как начать.

— Света, ты веришь в то, что есть вещи, которые мы не можем объяснить?

— Типа паранормального?

— Типа того.

Света пожала плечами.

— Я юрист, Альберт. Я верю в факты. Но я допускаю, что есть явления, которые пока не объяснены наукой. А что?

— Ничего. Просто спросил.

Они пошли дальше. Света больше не задавала вопросов, и Альберт был ей за это благодарен.

У общаги они попрощались. Света жила в соседнем корпусе, а Альберт поднялся на свой одиннадцатый этаж. Лифт не работал — как обычно по пятницам, — и ему пришлось идти пешком. На пятом этаже он остановился перевести дух и вдруг снова почувствовал это: холодок в груди, как будто кто-то прикоснулся к сердцу ледяными пальцами.

Он обернулся.

На лестничной площадке никого не было. Только тусклая лампочка под потолком и облупленная стена с надписью «Саша + Катя = любовь».

Альберт потряс головой и пошёл дальше.

В комнате было темно. Колян спал — храпел, как паровоз, уткнувшись в подушку. Альберт не стал включать свет,

разделся в темноте и лёг на свою кровать.

Перед тем как провалиться в сон, он снова услышал это — тихий шёпот, неразборчивый, как далёкое эхо. Но он был слишком пьян, чтобы испугаться, и слишком устал, чтобы думать об этом.

Он закрыл глаза.

«Я жду тебя».

Утро субботы. Аудитория 305.

Будильник не зазвонил.

Точнее, он зазвонил, но Альберт его не услышал — отключил на автомате и перевернулся на другой бок. А когда он наконец открыл глаза, на часах было девять сорок семь.

Семинар по римскому праву начинался в девять тридцать.

— Бля-я-я-ять! — заорал Альберт и скатился с кровати.

Колян даже не пошевелился.

Альберт натянул джинсы — те же, что были вчера, — схватил первую попавшуюся футболку и толстовку, сунул ноги в кроссовки и выбежал в коридор. Чистить зубы было некогда. Умыться — тоже. Он плеснул в лицо холодной водой из-под крана на общей кухне, проглотил сухой кусок хлеба (просто засунул в рот и запил водой) и побежал к метро.

В институт он ворвался в десять ноль семь — на тридцать семь минут позже начала пары. Аудитория 305 находилась на третьем этаже. Альберт взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и распахнул дверь.

Двадцать пять пар глаз уставились на него.

Доцент Завьялов стоял у кафедры с мелом в руке. На доске было написано: «Сервитуты: понятие, виды, основания возникновения и прекращения».

— Господин... э-э-э... — Завьялов сделал паузу, доставая из памяти фамилию опоздавшего, — Колесников. Какая неожиданная честь для нашей скромной аудитории. Вы решили почтить нас своим присутствием.

— Извините, Глеб Аркадьевич, — выдохнул Альберт. — Проспал.

— Проспали, — поправил Завьялов. — Не «проспал», а «проспал, будучи не в состоянии проснуться вследствие вчерашнего злоупотребления спиртными напитками». Я угадал?

По аудитории прокатился смешок.

— Ну... — Альберт понял, что отпираться бессмысленно.

— Подойдите ко мне, — сказал Завьялов.

Альберт подошёл. Доцент сделал шаг навстречу — и тут же отшатнулся.

— Господин Колесников, от вас разит, как из пивной бочки. Вы хотя бы жвачку пожевали, прежде чем являться в таком виде в храм науки?

Жвачки у Альберта не было.

— Садитесь, — брезгливо сказал Завьялов. — И молитесь, чтобы я забыл об этом инциденте к экзамену. Хотя я ничего не забываю.

Альберт сел на свободное место в последнем ряду. Сосед — какой-то первокурсник, лица которого он не знал, — покосился на него и отодвинулся. Альберт уткнулся взглядом в парту и почувствовал, как горят уши. Хуже этого могло быть только одно: если бы его выгнали с экзамена.

Семинар тянулся бесконечно. Завьялов гонял студентов по сервитутам, задавал каверзные вопросы, язвительно комментировал неправильные ответы. Альберт сидел, обхватив голову руками, и мечтал только о том, чтобы пара закончилась. Голова болела. Во рту было сухо и противно. Перед глазами плавали круги.

А потом случилось это.

Альберт поднял глаза — и замер.

На кафедре, прямо за спиной доцента Завьялова, в воздухе висела сфера. Небольшая — размером с теннисный мяч, — идеально круглая, переливающаяся перламутровым светом. Она не висела на нитке и не была голограммой — это была просто сфера из света, парящая в воздухе.

Альберт моргнул. Сфера не исчезла.

Он оглянулся на других студентов. Никто не смотрел на кафедру — все уткнулись в конспекты или в телефоны. Никто не видел сферу.

— Колесников! — голос Завьялова прозвучал как удар хлыста. — Вы меня слушаете?

— Да, — автоматически ответил Альберт.

— Тогда ответьте: чем личный сервитут отличается от

предиального?

Сфера медленно вращалась вокруг своей оси. От неё исходило тепло — Альберт чувствовал его даже с последнего ряда, как будто рядом включили обогреватель.

— Личный сервитут... — начал он, не отрывая взгляда от сферы. — Личный сервитут устанавливается в пользу конкретного лица, а предиальный — в пользу собственника земельного участка...

Сфера вспыхнула ярче — и исчезла. Как будто её и не было.

— Ну, допустим, — сказал Завьялов с некоторым удивлением. — Садитесь, Колесников. Пять с минусом. Видите, даже с похмелья можно знать римское право, если иногда открывать учебник.

Альберт сел. Сердце колотилось как бешеное.

Он снова услышал шёпот. На этот раз громче, отчётливее: *«Я жду тебя. Скоро».*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТРЕЩИНА

Москва, понедельник, утро.

Понедельник начался с дождя.

Мелкая, противная морось висела в воздухе, превращая Москву в серую акварель: размытые контуры зданий, мутные отражения фар в лужах, люди под зонтами, похожие на тени. Альберт стоял на платформе станции «Китай-город», ждал поезда в сторону «Юго-Западной» и чувствовал себя

отвратительно.

Дело было не только в остатках субботнего похмелья. С похмелья он уже оправился — помогли два дня сна, гречка с кефиром и полный отказ от любых развлечений. Дело было в том, что мир вокруг него начал вести себя неправильно.

Альберт не мог сказать точно, когда это началось. Может быть, в пятницу в метро — с той женщины, чьё лицо потекло. Может быть, в субботу на семинаре — с парящей сферы. А может, раньше — с того типа в чёрном пальто на вахте. Но факт оставался фактом: с каждым днём странностей становилось больше.

Поезд прибыл с шумом и скрежетом. Двери открылись, выпуская пассажиров. Альберт шагнул в вагон, нашёл свободное место у окна и сел.

Вагон был полупустым — обычное дело для десяти утра понедельника. Напротив Альберта сидел мужчина в дорогом сером пальто, читал газету «Коммерсантъ». Рядом с ним — девушка в наушниках, кивала в такт неслышной музыке. У дверей стоял парень в форме курьера «Яндекс.Еды» с огромным терморюкзаком.

Всё было нормально.

Альберт уже почти успокоился, когда мужчина в сером пальто опустил газету — и Альберт увидел его глаза.

Зрачки мужчины были вертикальными. Как у змеи.

Альберт моргнул. Зрачки стали круглыми — обычные человеческие зрачки, карие, с лёгким прищуром близорукого

человека.

— Извините, — сказал мужчина, заметив взгляд Альберта. — Мы знакомы?

— Нет, — выдавил Альберт. — Показалось.

Мужчина пожал плечами и вернулся к газете. Альберт отвернулся к окну, за которым мелькали огни тоннеля, и попытался дышать ровно.

«Это из-за стресса, — сказал он себе. — Из-за недосыпа. Из-за того, что я в субботу выпил пять кружек пива и спал четыре часа. Галлюцинации от переутомления — это нормально. Это бывает».

Но он знал, что это неправда.

Он чувствовал это где-то глубоко внутри — не как знание, а как инстинкт. Что-то изменилось. Что-то шло не так. И сфера в аудитории, и текущее лицо в метро, и змеиные зрачки — всё это было частью чего-то большего.

Поезд остановился на «Юго-Западной». Альберт вышел, поднялся по эскалатору и направился к выходу в город.

На улице дождь усилился. Альберт накинул капюшон и побежал к институту, перепрыгивая через лужи. У входа он столкнулся с Димоном — тот стоял под козырьком, курил и смотрел в телефон.

— Здоров, Альбертик, — сказал Димон, не поднимая глаз. — Ты чего такой бледный?

— Нормально всё.

— Ну-ну. — Димон затянулся, выпустил дым в дождливое

небо. — Слышь, ты Завьялова в субботу видел? Он реально зверь. Я думал, он тебя сожрёт.

— Он меня чуть не сожрал.

— А что с тобой вообще? Ты в последнее время как не в себе.

Альберт хотел ответить что-то резкое, но передумал. Вместо этого он сказал:

— Димон, ты когда-нибудь видел что-то такое... чего не должно быть?

Димон нахмурился.

— В смысле?

— Ну, типа галлюцинаций. Или странных вещей. Которые не поддаются объяснению.

— Я однажды нажрался до чёртиков и видел, как ковёр на стене шевелится, — честно сказал Димон. — Но это был палёный вискарь, так что не считается. А что? Ты что-то видел?

Альберт покачал головой.

— Нет. Просто спросил.

Они вошли в институт. В холле было шумно: студенты толпились у расписания, кто-то бежал в столовую, кто-то сидел на подоконниках с ноутбуками. Обычная институтская жизнь. Альберт смотрел на этих людей — и вдруг понял, что ему страшно.

Не просто неприятно или тревожно. Страшно.

Потому что ему казалось, что он видит больше, чем должен. Краем глаза он замечал какие-то тени, которых не долж-

но быть. В углах помещения что-то мерцало. На лицах людей — на одно мгновение, как сбой матрицы — проступало что-то другое: не лица, а маски, под которыми скрывалось нечто тёмное.

Альберт зажмурился и потряс головой.

Когда он открыл глаза, всё было нормально.

— Ты точно в порядке? — спросил Димон. — Может, тебе в медпункт сходить?

— Я в порядке, — сказал Альберт. — Просто не выспался.

Две недели спустя.

Альберт сидел в своей комнате в общежитии и смотрел в стену.

За окном темнело. Жёлтое пятно на потолке, казалось, стало ещё больше. Колян уехал на выходные к родителям в Подольск, и Альберт остался один — впервые за долгое время.

Он не выходил из комнаты уже третий день.

Пропускал лекции. Не отвечал на звонки. Не открывал дверь, когда стучали. Еду заказывал через приложение — просил оставить заказ под дверью и ждал, пока курьер уйдёт, прежде чем забрать пакет.

Димон присылал сообщения: «Ты где?», «Ты живой?», «Завьялов спрашивал, не сдох ли ты». Света звонила три раза — Альберт не ответил. Лёха написал, что на кафедре уго-

ловного права обсуждают его отчисление за прогулы.

Альберту было всё равно.

Потому что мир снаружи сошёл с ума — или сошёл с ума он сам. Третьего варианта не было.

В первый день после случая в метро он пытался убедить себя, что всё в порядке. Ходил на пары, общался с друзьями, делал вид, что ничего не происходит. Но с каждым часом становилось хуже.

Он видел их повсюду.

Не всех. Большинство людей были обычными — настоящими. Но некоторые... Альберт научился их различать. Это было как шестое чувство: он смотрел на человека и вдруг понимал — этот ненастоящий. Под человеческой кожей скрывается что-то другое. Что-то тёмное. Что-то, чему он не мог найти названия.

Они выглядели почти как люди. Почти. Но Альберт замечал детали: слишком ровные движения, как у кукол-марионеток; глаза, которые на долю секунды становились чёрными; тени, которые падали не в ту сторону. И запах. От них пахло — едва уловимо, но Альберт чувствовал. Запах гари. Запах серы.

Однажды он увидел такого в очереди в столовой. Студент — на вид обычный парень с рюкзаком, — но когда он повернулся к Альберту, его лицо на мгновение «съехало», обнажив что-то серое, чешуйчатое, с провалами вместо глаз.

Альберт закричал.

Прямо посреди столовой. Уронил поднос. Все уставились на него. «Студент» с рюкзаком смотрел с искренним недоумением — человеческим, самым обычным. Альберт проворчал извинения, поднял поднос и ушёл. Больше он в столовую не возвращался.

В другой раз — в метро, на эскалаторе — он увидел женщину, у которой из-под пальто торчало что-то длинное, гибкое, похожее на хвост скорпиона. Альберт рванулся в сторону, чуть не сбил с ног пожилого мужчину и бежал до самого выхода, не оборачиваясь.

После этого он перестал ездить в метро.

На третий день он перестал выходить из общаги.

Теперь он сидел в комнате, забаррикадировав дверь стулом (на всякий случай), и смотрел в стену. Здесь было безопасно. В комнате не было никого, кроме него. Стены были просто стенами, потолок — просто потолком, и даже жёлтое пятно больше не казалось зловещим. Оно было старым знакомым, частью привычного мира.

Но шёпот не прекращался.

Он звучал постоянно — тихий, навязчивый, как комариный писк. Иногда Альберт различал слова, иногда нет. Чаще всего это было одно и то же:

«Я жду тебя».

Иногда добавлялось:

«Ты готов».

А иногда — и от этого Альберту становилось по-настоя-

щему жутко — шёпот произносил его имя:

«Альберт. Альберт. Альберт».

Он пробовал затыкать уши. Не помогало — голос звучал не снаружи, а внутри. Он пробовал включать музыку на полную громкость. Не помогало — шёпот проникал сквозь любые звуки, как вода сквозь трещины.

Вечером пятнадцатого дня Альберт сидел на кровати, обхватив колени руками, и раскачивался из стороны в сторону. В комнате было темно — он не включал свет, потому что свет делал тени заметнее. За окном шумел дождь. Где-то далеко выла сирена скорой помощи.

Он думал о том, что сходит с ума.

Это была единственная разумная версия. Шизофрения? Паранойя? Какой-то редкий психоз, спровоцированный стрессом? Альберт жалел, что не учился на медицинском. Он гуглил свои симптомы — но интернет, как всегда, предлагал варианты от «у вас лёгкая депрессия» до «у вас опухоль мозга, жить осталось две недели».

Он думал позвонить родителям. Но что он им скажет? «Мам, привет, я вижу демонов в метро, как твои дела?» Нет. Нельзя их пугать. Они и так переживают.

Он думал пойти к психиатру. Но для этого нужно было выйти на улицу. А на улице — они.

Альберт закрыл глаза.

И в тот же миг почувствовал это.

Свет.

Яркий, тёплый, золотистый свет — он проникал сквозь закрытые веки, заливал комнату, пульсировал как живое сердце. Альберт открыл глаза — и замер.

Посреди комнаты стояла женщина.

Она была... прекрасна. Это слово не передавало и сотой доли того, что видел Альберт. Она была прекрасна так, как прекрасен восход солнца в горах — не человеческой, а какой-то надмирной красотой, от которой захватывало дух и хотелось плакать.

Высокая, стройная, с кожей, которая светилась мягким золотым сиянием. Её волосы — чёрные как ночь, длинные, до пояса — струились, хотя в комнате не было ветра. Глаза — фиолетовые, глубокие, с вертикальными зрачками — смотрели на Альберта с выражением спокойной, царственной доброты.

Она была одета в мантию цвета индиго — тяжёлую, бархатную, расшитую золотыми нитями. На голове сияла корона-диадема, сделанная, казалось, из чистого света. Вокруг неё мерцали, переливались какие-то символы — Альберт не мог их прочесть, но чувствовал исходящую от них силу.

Свет заполнял комнату. Он был повсюду: в воздухе, в стенах, в самом Альберте. И в этом свете не было страха. Страх ушёл — впервые за две недели. Осталось только изумление, смешанное с благоговением.

— Здравствуй, Альберт, — сказала женщина.

Голос у неё был низкий, мелодичный, с лёгким акцентом,

который Альберт не мог определить. Он звучал одновременно и снаружи, и внутри — как шёпот, который преследовал его все эти дни, но в тысячу раз сильнее и чище.

— Кто вы? — прошептал Альберт. — Что вы?..

Он хотел спросить «что вы такое», но осёкся — это прозвучало бы грубо.

Женщина улыбнулась. Её улыбка была как удар молнии — ослепительной, но не пугающей.

— Я — Верховный Дракон, — сказала она. — Правитель Шамбалы. Хранитель Шинтамани. Ты можешь называть меня так, как тебе удобно. Некоторые зовут меня Кетцалькоатль. Но это неважно.

Альберт потряс головой. Он всё ещё не был уверен, что это не галлюцинация — просто более масштабная и проработанная, чем предыдущие.

— Шамбала? — повторил он. — Это же миф. Тибетская легенда.

— Многие вещи, которые люди считают мифами, существуют на самом деле, — спокойно ответила женщина. — Просто не в том слое реальности, к которому вы привыкли. Шамбала — это страна. Моя страна. Она находится очень высоко в горах, в месте, куда обычный человек не может попасть. У нас нет электричества, нет машин, нет ваших технологий. У нас есть Шинтамани — священный камень, упавший с неба тысячи лет назад. Он освещает нашу землю днём и ночью. У нас нет темноты.

Альберт слушал, и что-то внутри него откликалось на эти слова — как будто он всегда знал это, просто забыл.

— У нас есть город — столица, — продолжала Верховный Дракон. — Есть деревни. Есть поля, где мы выращиваем рис и пшеницу. Есть театр, есть Институт Мудрости, где изучают философию и эзотерику. Мы не едим животных. Мы не взаимодействуем с внешним миром. Мы — закрытая страна, последний оплот древнего знания в этом мире.

Она сделала шаг вперёд. Свет вокруг неё стал ярче.

— Но у нас есть враги.

— Враги? — переспросил Альберт.

— Те, кого ты начал видеть в последние дни. Они называют себя по-разному. В вашей культуре их называют демонами. Они — существа из нижних слоёв реальности. Они питаются эмоциями людей: страхом, гневом, отчаянием, похотью. Они проникают в ваш мир, принимают человеческий облик и живут среди вас, незаметно высасывая жизненную силу. Ты увидел их, потому что в тебе пробудилась искра. Искра дракона.

— Во мне? — Альберт прижал руку к груди. — Какая искра?

— Ты — драконид, — сказала Верховный Дракон. — Потомок древней расы, которая когда-то защищала границы между мирами. Твои предки жили в Шамбале много поколений назад. Потом ваш род прервался, но кровь осталась. Она течёт в тебе.

Альберт хотел рассмеяться. Это звучало как бред — как сценарий дешёвого фэнтези-фильма. Но в присутствии этой женщины, в этом золотом свете, бред казался единственно возможной правдой.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

Верховный Дракон посмотрела ему прямо в глаза. Её фиолетовые зрачки расширились.

— Ты избран, Альберт. Избран, чтобы стать внешним стражником Шамбалы. Чтобы охранять границу между нашим миром и вашим. Чтобы выслеживать демонов и уничтожать их. Отказаться ты не можешь.

— Почему? — выдохнул Альберт.

— Потому что решение уже принято, — спокойно сказала она. — За тебя.

В комнате повисла тишина. Дождь за окном стих. Даже шёпот в голове Альберта замолчал. Он смотрел на женщину в фиолетовой мантии — на Верховного Дракона, правителя мифической страны, — и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Вся его жизнь — институт, друзья, планы стать юристом, смутные мечты о будущем — всё это вдруг показалось декорацией. Картонным фасадом, за которым скрывается нечто неизмеримо большее.

— Я должен... — начал он. — Я должен что-то сделать? Подписать? Поклясться?

— Ты должен принять свою судьбу, — сказала Верховный

Дракон. — И пройти превращение. Это будет больно. Очень больно. Но это единственный путь.

— Превращение? Во что?

Верховный Дракон улыбнулась.

— Ты станешь драконом, Альберт.

Она протянула руку — длинные тонкие пальцы, светящиеся мягким золотом, — и коснулась его лба.

Мир взорвался.

да

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПРЕДМЕТЫ В ВОЗДУХЕ

Москва, вторник, через три дня после визита Верховного Дракона.

Альберт не спал трое суток.

Точнее, он спал — урывками, по часу-полтора, проваливаясь в тяжёлое забытьё, из которого выныривал с колотящимся сердцем и липким потом на лбу. Но настоящего, глубокого сна не было. Каждый раз, закрывая глаза, он видел её — женщину в фиолетовой мантии, её светящуюся корону, её фиолетовые глаза с вертикальными зрачками. И слышал её голос:

«Ты станешь драконом, Альберт».

А потом она касалась его лба — и он просыпался.

В первое утро после её визита Альберт решил, что это был сон. Яркий, детальный, невероятно реалистичный — но всё-таки сон. Он проснулся на полу (почему на полу? он не

помнил, как упал с кровати), раздетый, замёрзший, с жуткой головной болью. Комната была обычной: жёлтое пятно на потолке, Колянова кровать с Микки-Маусами, чайник на подоконнике. Никакого золотого света. Никакой Верховной Драконихи.

— Приснится же такая херня, — пробормотал Альберт и полез в телефон.

Телефон показывал понедельник, семь утра, пятнадцать пропущенных от Димона и одно сообщение от деканата: «Колесников А.В., явиться в учебную часть для объяснения причин систематических пропусков».

Он отложил телефон и сел на кровати, обхватив голову руками. Голова гудела, как трансформаторная будка. Во рту был металлический привкус. Кости ломило, словно он пробежал марафон.

И шёпот.

Шёпот вернулся.

Но теперь он изменился. Раньше это был просто зов — «я жду тебя», — неразборчивый, далёкий. Теперь же Альберт слышал целые фразы. На непонятном языке — но почему-то он понимал их смысл. Как будто в его голове включился встроенный переводчик.

«Пробуждение началось. Процесс необратим. Готовься к переходу».

— Что за бред, — сказал Альберт вслух. — Что за чёртов бред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.